

**И. К. Богомол**

## Бытовые условия работы военной цензуры в Петрограде в годы Первой мировой войны

Исследования цензуры в России в годы Первой мировой войны и революции за последние десятилетия вышли на новый уровень благодаря привлечению больших массивов новых источников — делопроизводственных материалов военно-цензурных комиссий, местных цензурных пунктов, комитетов по делам печати<sup>1</sup>. Заметные успехи достигнуты в изучении структуры военной цензуры, ее взаимодействия с военными и гражданскими властями империи<sup>2</sup>. Ощутимые сдвиги наметились после выхода в 2013 г. фундаментальной монографии Н. Г. Патрушевой по истории цензурного ведомства в 1865–1917 гг.<sup>3</sup> Отражением новых тенденций (больше внимание к кадровому составу цензуры) стали работы Е. В. Алферовой и Е. Г. Костриковой о работе женщин в перлюстрации писем и о дипломатической цензуре<sup>4</sup>.

Тем не менее кадровый состав и повседневная работа военных цензоров все еще на периферии внимания историков. Отчасти это связано с особенностями советской, а затем и современной российской историографии, вплоть до 2010-х гг. рассматривавшей историю цензуры 1914–1918 гг. сквозь призму настроений русского общества накануне и в годы революции. Цензор, его личность, нужды и повседневная работа остаются, как правило, за пределами повествования. Первая мировая война в этом смысле является большим «белым пятном» в сравнении с более ранними десятилетиями, относительно хорошо изученными. На общем фоне стоит выделить Петроград, где в цензуре работали

тысячи человек, а их труд был тесно связан не только с общественно-политической жизнью общества, но и с бытовой повседневностью столицы империи в военные годы.

В данной статье на основе ранее не привлекавшихся материалов Главной и Петроградской военно-цензурных комиссий воссоздается быт военных цензоров Петрограда, их материальное обеспечение, жалобы и нужды, а также попытки военных и гражданских властей улучшить условия их труда.

После русско-японской войны вопрос совершенствования организации военной цензуры неоднократно поднимался в контексте общего реформирования русской армии. В 1909–1914 гг. межведомственным совещанием разрабатывалось Положение о военной цензуре, организация и структура цензурных органов в случае начала войны<sup>5</sup>. Отдельно рассматривался вопрос пополнения цензуры кадрами. Изначально предполагалось, что на этой должности будут работать только офицеры, затем члены совещания признали, что в условиях мобилизации и ухода военных на фронт привлечение в цензуру гражданских чинов неизбежно.

Масштаб занятости цензоров совещание недооценивало, полагая, что самоцензура населения, страх конфискации отправления освободят от необходимости увеличивать штат по просмотру корреспонденции. По мнению участников совещания, с цензурой справятся местные должностные лица, наблюдающие за печатью, количество которой вряд ли будет увеличиваться в военное время. Допускалось расширение штатов за счет чинов в отставке, например «местных помещиков и городских обывателей»<sup>6</sup>. Представлявший ГУГШ на совещании полковник Н. А. Монкевиц считал, например, что опасение «недостатка в потребном числе компетентных лиц для выполнения цензурских обязанностей не должно иметь места, так как потребность в этих лицах не настолько значительна, чтобы фактически нельзя было удовлетворить ее»<sup>7</sup>. Итоговый вариант, прописанный во «Временном положении о военной цензуре» от 20 июля 1914 г., предполагал привлечение «должностных лиц, наблюдающих за печатью и... чинов местных почтово-телеграфных учреждений»<sup>8</sup>. На их плечи перекладывалась основная часть цензурской работы, при этом никак не решались вопросы организации труда.

Причиной тому был не только недосмотр со стороны составителей «Временного положения» (доработанного в спешке в последние мирные дни), но и самого принципа, заложенного в организацию военной цензуры. Изначально она рассматривалась и в итоге была создана как межведомственная структура: военно-цензурные комиссии включали представителей министерств Военного, Морского, юстиции, внутренних и иностранных дел. Они составляли служебные инструкции и давали общие рекомендации по работе. Руководствуясь ими, военные цензоры в то же время сохраняли свое ведомственное подчинение: почтово-телеграфные чиновники, члены комитетов и инспекторы по делам печати по-прежнему подчинялись МВД, офицеры — Военному министерству,

дипломатические чиновники — МИД. «Временное положение» назначало им как военным цензорам одинаковые суточные выплаты (3 руб.), но большинство хозяйственно-бытовых вопросов (помещения, материальное обеспечение, продовольственное снабжение и др.) по-прежнему решались соответствующими ведомствами. Иными словами, чиновники продолжали работать на своих местах, но расширился круг их задач, для решения которых уже было недостаточно существовавших в мирное время бытовых условий.

С началом войны властям Петрограда пришлось оперативно решать вопросы не только кадрового, но и хозяйственно-бытового обеспечения цензуры, оборудования рабочих мест. В январе 1916 г. численность цензоров в столице составляла около 1000 человек<sup>9</sup>, в сентябре — около 1300<sup>10</sup>, а к маю 1917 г. — около 2200, включая персонал и помощников, напрямую не относившихся к цензуре: канцелярия, «работницы», «помощники», уборщики, заклейщики конвертов и др.<sup>11</sup> И если Петроградская военно-цензурная комиссия (ПВЦК) располагалась в здании штаба военного округа<sup>12</sup>, то большинству рядовых цензоров, просматривавших письма и телеграммы, приходилось работать в тесных помещениях почтово-телеграфного ведомства. К примеру, старший военный цензор на Главном телеграфе докладывал, что здание учреждения «далеко не соответствовало требованиям службы», а начавшаяся еще до 1914 г. его перестройка по обстоятельствам военного времени обещала затянуться надолго<sup>13</sup>.

Схожей была ситуация и на Главпочтамте. Петроградский почт-директор Н. Менделеев в начале 1915 г. писал в ПВЦК, что особенно тесно становилось к концу года, когда быстро росло количество поздравительных писем и телеграмм. В такие дни «положительно невозможно пройти по помещению, не рискуя разорвать платье о расставленные всюду корзины с корреспонденцией или задеть таковую, находящуюся на столах, и уронить ее на пол». В день раскрывалось до 700 мешков с письмами, из-за чего в комнате стояла пыль<sup>14</sup>. В мае 1915 г. председатель ПВЦК Д. П. Струков сообщал в штаб округа о недостатке стульев. Необходимо было больше умывальников для поддержания гигиены и сохранения здоровья цензоров: нередко они вскрывали письма, написанные болеющими людьми<sup>15</sup>. Регулярно возникали задержки с доставкой дров, в комнатах часто были холод и духота, засорялись каминные трубы и канализация, не доставало уборных<sup>16</sup>. Цензоры регулярно жаловались на отсутствие карандашей и ручек, пишущих машинок, рассыльных книг и телефонов, не говоря о специальных приспособлениях, как, например, машинки для плавления сургуча<sup>17</sup>. 17 мая 1916 г. старший цензор на Главном телеграфе К. Е. Кометс сообщал в ПВЦК, что его подчиненные сами заказывали себе каучуковые штемпели<sup>18</sup>.

По мере увеличения состава цензуры приобреталась мебель, электрическое освещение, телефонные аппараты, справочники, кровати, матрасы, подушки, буфет, столовая посуда и многие другие предметы быта<sup>19</sup>. К примеру, в августе 1916 г. на нужды ПВЦК было закуплено 13 икон, два портрета царя, а также ут-

варь для буфета и кухни<sup>20</sup>. Тем не менее из-за растущего дефицита и дороговизны проблемы со снабжением сохранялись все военные годы. Одним из последствий стали закупки впрок того, что было доступно, но далеко не всегда они отражали реальные нужды цензоров<sup>21</sup>. В январе 1917 г. Н. Менделеев пожаловался в Главное управление почт и телеграфов (ГУПТ) на «крайне небрежную» доставку канцелярских принадлежностей: к тому времени еще не были получены некоторые заказы, сделанные в начале 1916 г.<sup>22</sup>

В условиях роста цен и дефицита весьма чувствительным был вопрос доступа цензоров к продовольственным товарам. В ноябре 1916 г. старший военный цензор в Петергофе просил разрешить шестерым его подчиненным отовариваться на интендантских складах вследствие «дороговизны продуктов первой необходимости, а нередко и неимения их в продаже», на что получил согласие<sup>23</sup>. Для урегулирования вопросов снабжения 18 января 1917 г. был создан продовольственный комитет при ПВЦК, чтобы все отделы и сотрудники «при настоящих трудных условиях получали бы продукты первой необходимости из складов Интендантства»<sup>24</sup>.

В ближайших к Петрограду городах ситуация с помещениями была схожей из-за малого фонда административных площадей, которые можно было бы использовать. Чаще всего речь шла о зданиях почтово-телеграфных контор, и до того не отличавшихся простором. Старший военный цензор в Петергофе 4 июля 1916 г. просил арендовать несколько комнат для трех цензоров, которые делили помещения с другими почтовыми чиновниками, а ему самому приходилось работать в аппаратной. Ходатайство было отклонено<sup>25</sup>. 11 декабря 1916 г. старший цензор Царскосельской конторы просил улучшить снабжение дровами, которые в то время было весьма трудно найти, да и денег на их закупку выделялось недостаточно<sup>26</sup>.

Для решения бытовых вопросов подчиненных ПВЦК не имела достаточной власти и была вынуждена обращаться к различным ведомственным инстанциям, военным и гражданским властям. Последние в целом неохотно шли навстречу в вопросах снабжения и поддержания казенных зданий в приемлемом состоянии. Так, Петроградская городская управа отказалась привести в порядок помещения в военно-полевом отделе военной цензуры (Екатерингофский пер., д. 3), хотя без ремонта в нем невозможно было работать<sup>27</sup>.

Запрашивая усиление кадрами, военные цензоры лишь во вторую очередь говорили об улучшении бытовых условий, но затем к этому вопросу приходилось возвращаться. Старший цензор Лужской почтово-телеграфной конторы сообщал, что ввиду увеличения числа цензоров помещение стало тесным, комната не имеет форточки, ее не проветрить<sup>28</sup>. 18 июня 1916 г. старший цензор при Новгородской конторе сообщал в ПВЦК, что, если до апреля при 25 сотрудниках места в специально отведенной для них в конторе комнате хватало, то сейчас, при 40, «ощущается большой недостаток воздуха и теснота настолько ощутительна, что невозможно повернуться». Однако подобрать подходящие

комнаты было трудно из-за расквартирования в городе частей и наплыва беженцев. В Петрограде найти помещение было проще, но процесс тормозился из-за несогласованности в цене и недоработанности процедуры аренды. ПВЦК соглашалась ее оплатить, но только если будут найдены полностью свободные площади. На практике владельцы доходных домов на эту схему не соглашались, требуя задаток перед выселением постояльцев<sup>29</sup>.

В течение 1916 г. ситуация с помещениями для петроградской цензуры стала близка к критической. Весной один из военных цензоров докладывал в ПВЦК: «Существующая обстановка совершенно не удовлетворяет настоящим требованиям канцелярии, так, в приемной... отсутствуют столы, стулья и др[угие] принадлежности; штор на окнах не имеется совершенно во всех помещениях канцелярии, работа же без них, ввиду наступления солнечных дней, крайне затруднительна»<sup>30</sup>. В отчете о работе ПВЦК (март 1916 г.) особое внимание было обращено на необходимость помещения, отвечающего «хотя бы элементарным требованиям гигиены, так как при условиях существующих не только работать нельзя, но можно даже заболеть»<sup>31</sup>. В декабре того же года старший военный цензор на Петроградской портовой таможне писал в ПВЦК, что беспрерывная работа в течение целого месяца в «такой негигиеничной обстановке, где... от постоянной распаковки более тысячи поступающих ежедневно посылок стоит постоянная, как туман, пыль, естественно может отразиться неблагоприятно на здоровье (глаза, легкие) интеллигентных женщин, каковыми являются жены и дочери офицеров, что может повлечь за собою уход их из цензуры». Он же привел наглядный пример: узнав о возможности работы и по воскресеньям, многие женщины заявили, что в таких условиях и при такой плате они будут вынуждены уволиться. Цензору удалось их успокоить, заверив, что воскресенье останется выходным<sup>32</sup>.

Не все пункты были в плохом состоянии, многое зависело от старшего цензора. Так, Псковский цензурный пункт заслужил похвалу ревизоров от Двинской ВЦК в апреле 1916 г., так как благодаря старшему цензору князю Вадбольскому, «с любовью относящемуся к вверенному ему делу и отдающему последнему всю свою энергию и все свое время», пункт «должно признать в отличном состоянии: снабженное необходимою мебелью помещение пункта, содержимое в чистоте и порядке, производит впечатление уюта; военные цензора и переводчики относятся к исполнению своих обязанностей весьма добросовестно, аккуратно являясь в установленные часы на занятия и работая не за страх, а за совесть»<sup>33</sup>. Однако такие отзывы и такие пункты были скорее исключением из правила.

Начальство прислушивалось к жалобам с мест и по возможности доносило о проблемах военной цензуры в штаб Петроградского военного округа. На заседании 5 сентября 1916 г. председатель ПВЦК М. А. Адабаш<sup>34</sup> отметил неудовлетворительное состояние оборудования, помещения находились «в антигигиеничных условиях, полное отсутствие вентиляции (зимой были случаи

обморочных состояний), всюду сквозняки, плохое состояние печей и пр. Из-за отсутствия должных помещений приходится вести занятия в две смены. <...> Нет столовой для получения горячей пищи»<sup>35</sup>.

Серьезной и хронической проблемой стали «залежи» задержанной и непросмотренной корреспонденции. Мешки с ней, как правило, некуда было девать, и они заполняли и без того тесные помещения почтово-телеграфных контор. Особенно острая ситуация сложилась в Петрограде, где к 26 ноября 1914 г. оставалось не досмотрено 259,6 тыс. простых отправлений, к 1 декабря — 299,8<sup>36</sup>. Быстро накапливавшиеся «залежи» не только не успевали просмотреть, но и не знали, где хранить<sup>37</sup>. Н. Менделеев еще в феврале 1915 г. отмечал, что работа цензуры сопряжена с «затяжными сложными обрядностями, требующими не только времени и излишних передач корреспонденции в цензуру и обратно, но и очень много места». Для хранения мешков с письмами часть помещений самого Главпочтамта была вынесена в другой дом и «далее расширяться уже нет никакой возможности»<sup>38</sup>. При этом переезд в другие районы столицы Менделеев считал плохим вариантом: в этом случае пришлось бы организовать ежедневную доставку туда из Главпочтамта тысяч отправлений. Грузы к тому моменту стали очень тяжелы, «лошади измучены, экипажей недостаточно, а грузовые автомобили уже отслужили свой срок». Решением проблемы чиновник считал аренду пустующего этажа и нескольких квартир в соседнем с Почтамтом доме № 11 по Почтамтской улице (доходный дом А. К. Папмеля), «а то и купить, за счет военного фонда, весь дом, который, кстати, продается»<sup>39</sup>.

Поначалу идея реквизировать помещения не показалась цензурному руководству привлекательной. Д. П. Струков ответил Н. Менделееву, что такие вопросы решаются на уровне Совета министров, чьи постановления должны быть высочайше утверждены<sup>40</sup>. Однако необходимость расширять цензуру вынуждала искать варианты. Так, в аренду были взяты два этажа того же дома № 11 на Почтамтской ул., с октября 1915 г. — весь второй этаж дома № 56 по Большой Морской ул., а с 7 декабря 1916 г. — 6 комнат на его первом этаже. В этих помещениях могли разместиться 75–80 цензоров, чего все равно было мало в условиях растущего потока заграничной корреспонденции. Обсуждалась возможность реквизировать оставшуюся часть дома № 56, занятую конторой Г. Гинзбурга<sup>41</sup>. Но и в этом случае здания рядом с Главпочтамтом были более предпочтительным вариантом. На совещании 22 января 1916 г. ПВЦК решила вновь поднять вопрос о реквизиции дома № 11, а если будет необходимо — и дома № 13 на Почтамтской ул.<sup>42</sup>

Конкретные шаги по реквизиции этих домов начали предпринимать только осенью 1916 г. на фоне быстрого роста завалов непросмотренной корреспонденции: 3 декабря «залежи» в петроградской почте составляли около 4,5 млн отправлений<sup>43</sup>. Ежедневно на просмотр поступало 175,5 тыс. открытых и около 6 тыс. закрытых писем. По оценкам старшего цензора на Главпочтамте, для просмотра всего потока корреспонденции фронтовиков и военнопленных нужно

было увеличить количество сотрудников с 561 до 748, из которых на чтение писем на русском планировалось привлечь 336, на немецком — 204, на чешском — 126. Для размещения пополнения требовались новые помещения. Уже были расписаны площади еще не занятого дома Папмеля, а также дома № 14 на Ново-Исаакиевской ул. (дом В. М. Юзефович)<sup>44</sup>.

28 октября 1916 г. М. А. Адабаш докладывал в штаб Петроградского военного округа, что для просмотра всей корреспонденции военнопленных следовало значительно расширить помещения<sup>45</sup>. 2 ноября Н. Менделеев напомнил председателю ПВЦК, что в выборе помещений цензура ограничена статьей 50 «Временного положения о военной цензуре», согласно которой просмотр отправлений должен был производиться «исключительно в помещениях учреждений почтово-телеграфного ведомства»<sup>46</sup>. Тем не менее по этому параметру дома Папмеля и Юзефович вполне подходили, так как были близко (не надо тратиться на перевозку писем, да и перевозочных средств было крайне недостаточно), между ними можно было устроить «внутреннее сообщение» и имелось достаточно места — около 6,3 тыс. кв. м<sup>47</sup>.

На этот раз реквизиция представлялась цензурному и почтовому начальству вполне реальной. 3 декабря 1916 г. М. А. Адабаш просил прислать представителя от Главпочтамта по приему помещений<sup>48</sup>. Однако не был учтен фактор квартиронанимателей, не пожелавших покинуть обжитые места. В начале декабря они подали заявления в штаб округа и в управление заведующего разгрузкой Петроградского узла, доказывая, что никаких распоряжений о реквизиции от «высшего начальства» не поступало. В результате назначенная на 6 декабря реквизиция была отложена на месяц<sup>49</sup>. 4 января 1917 г. был составлен акт об отводе в порядке платной реквизиции обоих домов. К этому моменту в доме Папмеля частные лица проживали в 21 квартире, им был дан месячный срок для подыскания нового жилья<sup>50</sup>. 11 января Адабаш сообщил Н. Менделееву о скором освобождении квартир и распределении помещений для отделов военной цензуры.

Однако у этих планов было множество препятствий, как административных, так и финансовых. Владелец дома № 13 по Почтамтской ул. требовал уплатить ему за занятые военной цензурой помещения. ПВЦК посчитала завышенным его запрос 24 тыс. руб. в год<sup>51</sup>. Жильцы также не торопились покидать свои дома, пытаясь через различные ходатайства отложить или вовсе отменить реквизицию. Статский советник С. А. Дельсаль в личном письме просил Адабаша освободить его квартиру от реквизиции, так как она едва ли будет по своей планировке удобна цензуре. К тому же он и его жена давно снимали эту квартиру, много вложили в нее, и переезд нанесет им материальный ущерб<sup>52</sup>.

Одним из жильцов дома № 14 оказался военный цензор при Главном телеграфе, прапорщик С. К. Шварсалон. Как он писал в ходатайстве в штаб округа, новость о реквизиции поставила его в «крайне тяжкое положение»: найти другую квартиру ему было трудно по состоянию здоровья<sup>53</sup>. Из того же дома вы-

селяли и переводчицу Е. М. Энгель, писавшую в своей жалобе, что найти зимой в Петрограде хорошее жилье на семью из 6 человек «положительно невозможно», она в этом случае оставалась «буквально на улице с двумя малолетними детьми». Как и Шварсалон, Энгель отметила, что двум жильцам дома, состоящим на службе в Петроградском телеграфном агентстве, разрешено остаться, поэтому она просила оставить и ее, или хотя бы оттянуть решение до мая, пока она будет искать новую квартиру<sup>54</sup>. Об отмене реквизиции дома Юзефович просила также находившаяся в нем французская гимназия через своего влиятельного соотечественника, военного агента в Петрограде<sup>55</sup>. Наконец, за жильцов квартир 8 и 10 ходатайствовал сам почт-директор Н. Менделеев<sup>56</sup>.

Прошения, по-видимому, возымели действие, и 16 января главный начальник Петроградского военного округа С. С. Хабалов отменил реквизицию дома Юзефович и предложил поискать другое помещение. 20 января отменена была и реквизиция дома Папмеля<sup>57</sup>. М. А. Адабаш в связи с этим докладывал в штаб округа, что в таком случае следует забрать для нужд цензуры квартиру 1 в доме № 56 по Большой Морской ул. Но и у этих планов оказались весомые препятствия: квартиру занимала личная секретарша британского посла Э. И. Генлей и тоже сопротивлялась реквизиции<sup>58</sup>.

В январе 1917 г. подыскивались альтернативные варианты расширения площадей столичной цензуры, в частности за счет номеров гостиниц «Англетер» (Исаакиевская пл.), «Гранд-отель» и «Париж» (ул. Гоголя, д. 18 и 23)<sup>59</sup>. Выяснилось, что из 65 номеров «Парижа» только 5 двойных и «более или менее приличных», комнаты маленькие и по большей части темные, отопление печное и в целом гостиница «в довольно запущенном состоянии». Комнаты в «Англетере» оказались с низкими потолками и не соединены сквозными проходами, что делало их малоприспособленными для работы цензуры. В хорошем состоянии был найден лишь «Гранд-отель», но в его номерах в то время проживали постояльцы, зачастую состоятельные люди и высокие сановники<sup>60</sup>. Осматривались также помещения в здании Биржи, театра «Миниатюр» (ул. Садовая, д. 12), кинематографа на Невском проспекте, д. 27, Благородного собрания (Итальянская ул., д. 27/2), театра и меблированных комнат на Караванной ул., д. 14, и театра на углу Лермонтовского проспекта и Садовой ул. Во всех случаях отмечался недостаток отдельных, просторных и хорошо освещенных комнат<sup>61</sup>. Пригодными были признаны только помещения ресторана на ул. Большой Морской, д. 16<sup>62</sup>.

Февральская революция прервала процесс расширения военной цензуры и поиска для нее новых помещений. Реквизиция при этом формально не отменялась: еще накануне, 17 января, Хабалов в письме Адабашу уточнил, что она откладывается до 15 мая 1917 г.<sup>63</sup> Но в изменившихся условиях эта мера уже потеряла актуальность. 16 апреля председатель ПВИК сообщил, что реквизиция может применяться только в случае «исключительной надобности» и расширение работы цензуры «едва ли служит основанием к подобной реквизиции». В связи с этим даже если бы петроградский почт-директор прислал

15 мая новое ходатайство, оно осталось бы без удовлетворения<sup>64</sup>. 26 мая ПВЦК вновь обратилась в штаб военного округа по поводу реквизиции домов Папмеля и Юзефович, но положительного ответа не получила<sup>65</sup>.

Таким образом, бытовые условия работы военных цензоров Петрограда в годы Первой мировой войны были далеки от идеальных, что стало следствием комплекса причин — от недооценки масштабов предстоящей цензурной работы до трудностей с подысканием помещений для размещения цензоров. Однако ключевой причиной видится структура военной цензуры, ее межведомственный характер, создававший множество трудностей. Поиск новых помещений (вплоть до реквизиции целых зданий), закупка необходимых материалов, топлива и канцелярских принадлежностей, снабжение цензоров продуктами с интендантских складов — все эти сложные и характерные для военного времени проблемы решались на практике разными ведомствами с их ограниченными организационными и финансовыми возможностями.

<sup>1</sup> См., например: *Блюм А. В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994; *Рейфман П. С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1. Вып. 3: 1855–1917 гг. М., 2017; *Федяхина Е. Г.* Драматическая цензура в 1914–1916 гг. // Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов. Вып. 8. СПб., 2017. С. 187–196.

<sup>2</sup> *Батулин П. В.* Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16–3. С. 141–155; *Блохин В. Ф.* Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3 (61). С. 29–43; *Алферова И. В.* Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4. С. 7–15.

<sup>3</sup> *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2013.

<sup>4</sup> *Кострикова Е. Г.* Информационная политика российского правительства в годы Первой мировой войны и революции. 1914–1917. М., 2024; *Алферова И. В.* Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны // Российская история. 2024. № 2. С. 115–126.

<sup>5</sup> Подробнее см.: *Богомолов И. К.* Накануне войны: проект «Положения о военной цензуре» 1912 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2022. № 4. С. 48–54.

<sup>6</sup> РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 118. Л. 129 об.

<sup>7</sup> РГВИА. Ф. 29. Оп. 7. Д. 312. Л. 23 об.

<sup>8</sup> Временное положение о военной цензуре. Одесса, 1914. С. 9–10.

<sup>9</sup> РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 44. Л. 97.

<sup>10</sup> Подсчитано по: Там же. Д. 50. Л. 170–212.

<sup>11</sup> Подсчитано по: Там же. Д. 101. Л. 1 — 19 об.

<sup>12</sup> РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 108. Л. 158; Там же. Д. 128. Л. 88.

<sup>13</sup> Там же. Д. 333. Л. 22 об.

- <sup>14</sup> Там же. Д. 518. Л. 33.  
<sup>15</sup> Там же. Д. 74. Л. 356.  
<sup>16</sup> Там же. Д. 98. Л. 35.  
<sup>17</sup> Там же. Д. 74. Л. 57, 61.  
<sup>18</sup> Там же. Д. 778. Л. 275.  
<sup>19</sup> Там же. Д. 333. Л. 23, 23 об.  
<sup>20</sup> Там же. Д. 400. Л. 43.  
<sup>21</sup> Там же. Д. 254. Л. 342–343.  
<sup>22</sup> Там же. Д. 587. Л. 7.  
<sup>23</sup> Там же. Д. 447. Л. 2, 10.  
<sup>24</sup> Там же. Д. 545. Л. 126.  
<sup>25</sup> Там же. Д. 108. Л. 289, 325.  
<sup>26</sup> Там же. Л. 393.  
<sup>27</sup> Там же. Д. 333. Л. 150.  
<sup>28</sup> Там же. Д. 108. Л. 390.  
<sup>29</sup> Там же. Л. 285, 316, 318.  
<sup>30</sup> Там же. Д. 761. Л. 5–8.  
<sup>31</sup> Там же. Д. 776. Л. 294.  
<sup>32</sup> Там же. Д. 364. Л. 594.  
<sup>33</sup> Там же. Д. 776. Л. 505 об.  
<sup>34</sup> Занял этот пост в марте 1916 г.  
<sup>35</sup> РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 333. Л. 143.  
<sup>36</sup> Там же. Д. 60. Л. 50, 68.  
<sup>37</sup> Там же. Д. 128. Л. 380.  
<sup>38</sup> Там же. Д. 74. Л. 125.  
<sup>39</sup> Там же. Л. 125.  
<sup>40</sup> Там же. Л. 127.  
<sup>41</sup> Там же. Д. 518. Л. 29.  
<sup>42</sup> Там же. Д. 303. Л. 9–14.  
<sup>43</sup> Там же. Д. 518. Л. 31.  
<sup>44</sup> Там же. Л. 3–5, 7, 8.  
<sup>45</sup> Там же. Л. 11–12.  
<sup>46</sup> Временное положение о военной цензуре. С. 17.  
<sup>47</sup> РГВИА. Ф. 13836. Оп. 1. Д. 518. Л. 14.  
<sup>48</sup> Там же. Л. 18.  
<sup>49</sup> Там же. Л. 22–23.  
<sup>50</sup> Там же. Л. 38.  
<sup>51</sup> Там же. Д. 587. Л. 89, 90.  
<sup>52</sup> Там же. Д. 518. Л. 40.  
<sup>53</sup> Там же. Л. 42.  
<sup>54</sup> Там же. Л. 44.  
<sup>55</sup> Там же. Л. 62.  
<sup>56</sup> Там же. Л. 53.  
<sup>57</sup> Там же. Л. 63.  
<sup>58</sup> Там же. Л. 55, 58, 59.  
<sup>59</sup> Там же. Л. 69.  
<sup>60</sup> Там же. Л. 75–76.  
<sup>61</sup> Там же. Л. 79, 85, 108; Д. 589. Л. 116.  
<sup>62</sup> Там же. Л. 95.  
<sup>63</sup> Там же. Л. 65, 66.  
<sup>64</sup> Там же. Д. 461. Л. 65–66.  
<sup>65</sup> РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 97. Л. 126, 159.

## References

- Alferova, I. V. Voenno-tsenzurnyye praktiki v gody Pervoi mirovoi voiny (na materialakh Velikogo knyazhestva Finlyandskogo) [Censorship Practices during the First World War (Based on the Materials of the Grand Duchy of Finland). In Russ.]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. No. 4, pp. 7–15.
- Alferova, I. V. Zhenskaya istoriya rossiiskoi voyennoi tsenzury perioda Pervoi mirovoi voiny [Women's History of Russian Military Censorship during the First World War. In Russ.]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2024. No. 2, pp. 115–126.
- Batulin, P. V. Voyennaya tsenzura v period Pervoi mirovoi voiny i revolyutsii 1917–1918 gg.: problema sushchnosti i preymstvennosti [Military Censorship during the First World War and the Revolution of 1917–1918: The Problem of Essence and Continuity. In Russ.]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2006. No. 16–3, pp. 141–155.
- Blokhin, V. F. Voennaya tsenzura Minskogo voennogo okruga i nachalo Pervoi mirovoi voiny [Military Censorship of the Minsk Military District and the Outbreak of World War I. In Russ.]. In *Novyi istoricheskii vestnik*. 2019. No. 3 (61), pp. 29–43.
- Blyum, A. V. *Za kulisami "ministerstva pravdy": Tainaya istoriya sovetskoj tsenzury, 1917–1929* [Behind the Scenes of the "Ministry of Truth": The Secret History of Soviet Censorship, 1917–1929]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt publ., 1994, 321 p.
- Bogomolov, I. K. Nakanune voiny: proekt "Polozheniya o voyennoi tsenzure" 1912 g. [On the Eve of the War: the Draft of "Regulations on Military Censorship" of 1912. In Russ.]. In *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istoriya*. 2022. No. 4, pp. 48–54.
- Fedyakhina, E. G. Dramaticheskaya tsenzura v 1914–1916 gg. [Dramatic Censorship in 1914–1916. In Russ.]. In *Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Iss. 8. St. Petersburg, Russian National Library press, 2017, pp. 187–196.
- Kostrikova, E. G. *Informatsionnaya politika rossiiskogo pravitel'stva v gody Pervoi mirovoi voiny i revolyutsii. 1914–1917* [Information Policy of the Russian Government During the First World War and the Revolution. 1914–1917. In Russ.]. Moscow, Kuchkovo pole publ., 2024, 416 p.
- Patrusheva, N. G. *Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka* [Censorship Department in the State System of the Russian Empire in the Second Half of the 19<sup>th</sup> — Early 20<sup>th</sup> Century. In Russ.]. St. Petersburg, Severnaya Zvezda publ., 2013, 620 p.
- Reifman, P. S. *Tsenzura v dorevolyutsionnoi, sovetskoj i postsovetskoj Rossii* [Censorship in Prerevolutionary, Soviet, and Post-Soviet Russia. In Russ.]. Vol. 1. Moscow, Probel-2000 publ., 2017, 305 p.

## ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**И. К. Богомолов. Бытовые условия работы военной цензуры в Петрограде в годы Первой мировой войны // Петербургский исторический журнал. 2026. № 3. С. 120–131.  
DOI 10.51255/2311–603X\_2026\_3\_120**

**Аннотация:** Накануне Первой мировой войны вопрос о военной цензуре был поднят в контексте общего реформирования русской армии и военного управления. Составители Положения о военной цензуре осознавали важность ее организации, но недооценивали масштаб работы и, соответственно, необходимую численность кадрового состава. С началом войны гражданские и военные власти столкнулись с необходимостью контроля над печатью и огромными потоками почтово-телеграфной корреспонденции. В Петрограде — главном узле почты и телеграфа в империи — эта задача оказалась особенно трудной и важной. Кадровый состав военной цензуры в столице постоянно рос и к маю 1917 г. превысил 2 тыс. человек. Для размещения такого количества сотрудников старые довоенные здания и помещения не подходили: в них, как правило, было тесно и душно. Ситуация осложнялась растущими «залежами» корреспонденции, которая складировалась в тех же комнатах, где сидели цензоры. Отдельная проблема — снабжение канцелярскими принадлежностями, дровами для отопления помещений и продовольственного снабжения в условиях растущего дефицита и дороговизны. В этих условиях властями столицы рассматривались варианты реквизиции ряда зданий и помещений, прежде всего рядом с Главпочтамтом и Главным телеграфом. Но такому решению воспротивились владельцы помещений, не желавшие их уступать за предложенные компенсации. В итоге вопрос о размещении военных цензоров на новых площадях в конце 1916 — начале 1917 г. так и не был решен, а Февральская революция поставила крест на этих планах цензурного руководства.

**Ключевые слова:** Первая мировая война, Февральская революция, военная цензура, цензор, бытовые условия, Временное положение о военной цензуре, Петроградская военно-цензурная комиссия, Главное управление почт и телеграфов, Главпочтамт.

## FOR CITATION

**I. K. Bogomolov. Living Conditions of the Military Censorship in Petrograd during the First World War // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2026, pp. 120–131.  
DOI 10.51255/2311–603X\_2026\_3\_120**

*Abstract:* In the pre-war years, the drafters of the Military Censorship Regulations underestimated the scale of military censorship and, consequently, the required personnel. With the outbreak of war, civilian and military authorities were faced with the need to control the press and the enormous flow of postal and telegraph correspondence. In Petrograd, the largest center of the printing industry and the main postal and telegraph hub of the empire, this task was particularly difficult and important. The military censorship staff in Petrograd grew steadily, and by May 1917, it exceeded 2,000 people. The old pre-war buildings and premises were no longer suitable for accommodating such a large number of employees; they were typically cramped and stuffy. The situation was further complicated by the growing backlog of correspondence, which had nowhere to go except in the same rooms where the censors worked. A particular challenge was supplying censors with office supplies, firewood for heating, and food supplies amid growing shortages and high prices. Seeing the acute shortage of space and planning a further expansion of the censorship staff, the capital's military and civilian authorities considered requisitioning several buildings and premises, primarily those near the Main Post Office and the Main Telegraph Office. However, this solution faced numerous obstacles, primarily the reluctance of owners to cede their premises for the compensation offered. Tenants were also reluctant to leave their homes. As a result of their resistance, the issue of accommodating military censors in new premises remained unresolved in late 1916 and early 1917, and the February Revolution put an end to these plans.

*Key words:* World War I, February Revolution, military censorship, censor, living conditions, Temporary Regulations on Military Censorship, Petrograd Military Censorship Commission, Main Administration of Posts and Telegraphs, Main Post Office.

*Автор:* **Богомолов, Игорь Константинович** — к. и. н., старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

*Author:* **Bogomolov, Igor Konstantinovich** — Candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

**E-mail:** bogomolov@inion.ru

**ORCID** 0000-0001-8381-0284